

«Борьба кунпэна [1], пойманного на мелководе, боль Цан-Луна [2] со сломанным рогом, мы, речные карпы, не можем понять. Господин, нет смысла обсуждать холод с летними насекомыми».

Масляная лампа мигнула, и Чжоу Фэй потерла глаза. Увидев, что снаружи уже светает, она подняла руку и выключила лампу. Чернила в яньтай [3] уже высохли, и ей было лень добавлять в них воду. Используя некоторые грязевидные черные следы, она небрежно закончила «рисовать» оставшийся параграф семейного учения. Потертая кисть чуть не сбросила свои волоски от ее яростного нажима.

Прошлой ночью Ли Цзиньжун вынесла ее и Ли Шэна из Чернильной реки. Чжоу Фэй думала, что даже если бы она не умерла, с нее точно спустили бы шкуру. Вопреки ее ожиданиям, Ли Цзиньжун на самом деле ничего не сделала. Она только поспешно приказала людям запереть их, чтобы они поразмышляли над своими ошибками. После того как каждый из них перепишет семейное учение двести раз, вопрос будет решен.

Не чувствуя прикосновения ветра и солнца, не испытывая ни боли, ни зуда, она могла лечь, когда ей вздумается. Такого рода «благословение» Чжоу Фэй обычно никогда не получала. Это наказание больше подходило для Ли Янь, когда та делала что-то не так.

С ужасающим почерком и без особых усилий Чжоу Фэй закончила переписывать семейные учения еще до полуночи. Потом, держа во рту растрепанную кисть, она откинулась на небольшой диванчик в стороне, постоянно думая о событиях прошлой ночи. Задержавшись из-за Ли Шэна, Ли Цзиньжун в конечном счете не смогла сама преследовать Се Юня, и тот успешно сбежал.

Чжоу Фэй предположила, что причина, по которой она все еще могла спокойно отдыхать в своей комнате, была, вероятно, на 80% связана с Се гунцзы - глава хотела схватить его, но, похоже, боялась сделать это широко известным, что сделало ее неспособной наказать Чжоу Фэй и Ли Шэна публично. Должно быть, она боялась кого-то напугать. После долгих раздумий Чжоу Фэй почувствовала, что если ее жестоко избыют, то единственным, кто «встревожится», вероятно, будет ее отец. С такими мыслями она все больше и больше начинала склоняться к тому, что ее отец был тем самым знакомо звучащим «господином Ганьтаном», о котором говорил Се Юнь.

Но кому понадобилось разыскивать ее отца?

С тех пор, как Чжоу Фэй себя помнила, Чжоу Итан никогда не уходил через главную дверь и никогда не выходил через заднюю. Обычно он не встречался ни с кем из посторонних. Круглый год, если не считать болезни, он сидел во дворе и читал книги, а иногда играл на гуцине [4]. Он даже хотел преподавать некоторым младшим ученикам... Но, к сожалению, даже включая Ли Шэна, никто из них троих не питал склонности к изнеженным и сентиментальным сочинениям. Прислушиваясь к звукам гуциня, они разминали пальцы и зевали.

Господин Сунь, из-за которого Чжоу Фэй была избита, был педантичным ученым. Ее отец не

был педантом, но в лучшем случае он был просто начитанным ученым. Кроме того, что он был болезненным, у него не было никаких других отличительных черт. Может быть, у него какое-то необычное происхождение? Чжоу Фэй сначала подумала о необычайно сильном «Цянь Цзи» в Чернильной реке, затем вспомнила таинственный цингун Се гунцзы, а потом у нее возникло слишком много вопросов. В то же самое время она автоматически представила, что было бы, если бы ее отец был участником ста восьми легенд о Цзянху, сразу же с недоверием отбросив в сторону семь-восемь историй о любви и ненависти.

В конце концов, она не смогла больше валяться без дела на диване и слезла с него, чтобы поглядеть в окно. На дворе было раннее утро, время, когда люди больше всего устают. Ученики, охранявшие ее, устало дремали. После некоторого раздумья Чжоу Фэй отыскала пару обуви, бросив один тапок под стол, а другой - в изножье кровати. Она опустила полог кровати и придала своему одеялу форму человека. Она также разложила семейные учения, которые писала всю ночь, на своем письменном столе, создавая видимость того, что размышляла всю ночь и сейчас спит под одеялом. Затем она вскочила на балки своей комнаты, привычным движением сняла несколько незакрепленных плиток, и ушла, никем не замеченная.

Как раз в тот момент, когда Чжоу Фэй собиралась прыгнуть на крыши и перескочить через стену, она услышала легкий шум неподалеку. Она подняла голову и взглянула вперед - ого, она была не единственным господином на крыше [5].

Их отделял только внутренний двор, и Чжоу Фэй и Ли Шэн, находившийся на другой крыше, удивленно посмотрели друг на друга. Через некоторое время они оба повернули головы и притворились, что не видят друг друга, каждый направляясь в свою сторону.

Чжоу Фэй подошла к тому месту, где жил Чжоу Итан, глядя на его жилище издалека и не осмеливаясь приблизиться - с ее многолетним опытом борьбы умов с Ли Цзиньжун она чувствовала, что невозможно, чтобы ее мать не приняла меры предосторожности. Она терпеливо исследовала окрестности. Как она и ожидала, в бамбуковом лесу за двором и под мостом в засаде сидели люди.

Во дворе у Чжоу Итана было очень тихо. В это время он, вероятно, еще не встал с постели. Как раз в тот момент, когда Чжоу Фэй раздумывала, как попасть внутрь, она вдруг услышала серию птичьих щебетаний. Расположенные на горе Шу, 48 крепостей переживали весну круглый год, а цветы и листья никогда не увядали. Поэтому неудивительно было слышать щебетание птиц. Сначала Чжоу Фэй не обратила на это внимания, но неожиданно птичий щебет подбирался все ближе и ближе, не подавая никаких признаков остановки. Она была взволнована этим звуком и подумала о том, чтобы сбить с ног этого надоедливого плоскоперого зверя камешком. Она обернулась, но вместо этого увидела, что Се Юнь, сидя на большом дереве, смотрит на нее с улыбкой на лице.

Ли Цзиньжун провела весь день в поисках Се Юня, и это, вероятно, не было приятным опытом. Его верхняя одежда была разорвана, а нижний край обрезан; волосы растрепались, и на голове еще оставалось несколько листьев, покрытых росой. На его руках и шее было несколько кровавых порезов, он явно был в еще более печальном состоянии, чем прошлой ночью на Чернильной реке. Тем не менее, на его лице все еще была расслабленная и довольная улыбка, будто такая опасная ситуация была ему нипочем. Даже эти обстоятельства не помешали бы

ему насладиться видом на горы ранним утром и юной девушкой лет тринадцати-четырнадцати.

- Ваши 48 крепостей, ребята, очень сложно устроены. Я использовал все свои силы и еле как нашел дорогу сюда. - Се Юнь вздохнул, а затем помахал ей рукой, фамильярно заводя разговор.  
- Маленькая барышня, ты дочь главы Ли и господина Чжоу?

Чжоу Фэй была ошеломлена. Постоянно находясь в цитадели, Ли Цзиньжун удалось очень хорошо вбить ей в голову мысль: «Делай то, что должно, а если делать нечего, перестань болтать о ерунде». Среди ее поколения почти не было людей, с которыми она могла бы общаться, и большую часть времени она была одна. Не зная, был ли этот Се гунцзы врагом или другом, она сомневалась, что ответить, и просто кивнула головой. Через некоторое время она спросила: «У тебя есть какая-то неприязнь к моей матери?»

- Конечно, нет, когда твоя мать удалилась в 48 крепостей, я был еще мальчонкой и игрался в грязи, - Се Юнь выудил откуда-то кусок бамбука, затем вытащил маленький нож, и принялся медленно очищать его, сидя на дереве и одновременно разговаривая с ней. - Хотя она, вероятно, была не в ладах со стариком Ляном, который поручил мне доставить письмо, но детали я не знаю. Эх, он умер, ничего мне не объяснив.

- Тогда какие отношения были у тебя с ним? - спросила Чжоу Фэй.

«Я не имею к нему никакого отношения. Моя [6] фамилия Се, мое имя при рождении Юнь, мое второе имя Мэймэй [7], а звание «господин широких взглядов» [8], и у меня совершенно нет связи с тем человеком. В тот день я ловил рыбу на воле, - деловито сказал Се Юнь, - а этот ослабевший старик пришел почтить память человека, захороненного в могиле у заброшенного леса. После того, как он отдал дань уважения, он не мог встать и лежал на земле, плача. Я согласился выполнить его поручение только тогда, когда мне стало его жалко, видя, как это старик горестно плачет».

Чжоу Фэй: «...»

Она поняла, что у этого Се гунцзы, вероятно, были некоторые проблемы.

Чжоу Фэй недоверчиво спросила: «Только из-за рыданий старика ты рисковал своей жизнью, чтобы ворваться в 48 крепостей?»

Се Юнь поправил: «Не потому, что плакал старик, а потому, что плакал Лян Шао - разве ты не знаешь, кто такой Лян Шао? Разве твой отец никогда не говорил тебе о нем?»

Это имя действительно показалось Чжоу Фэй знакомым, и она, вероятно, слышала о нем раньше, но Чжоу Итан обладал мягким характером и много говорил. Когда он начинал говорить на случайные темы, он напоминал Чжоу Фэй старого монаха, читающего священные писания, поэтому его слова влетали в одно ее ухо, а через другое вылетали. Если она могла понять одно предложение из десяти, это было уже неплохо. В любом случае, ее отец не мог

позволить себе наказать ее.

Видя, что она ничего не говорит, Се Юнь объяснил: «Когда Цао Чжункунь захватил трон, Лян Шао отправился на север, чтобы принять молодого императора, установив в Лян Хуае связанные друг с другом ловушки. Он спас молодого императора прямо на глазах у «Бэй Доу Семь Звезд» и тяжело ранил Тан Лана и У Цюя [9], он даже потерял своего единственного сына в битве. После этого он снова рисковал жизнью, в одиночку поддерживая страну на юге. Там он считается... м-м, героем. Когда герою больше некуда идти, это как будто гора рухнула. Разве тогда он не испытает боли? Поскольку у меня нет никаких других талантов, кроме умения быстро передвигаться, выполнение поручения для него – не такое уж большое дело».

Слушая его слова, Чжоу Фэй поняла, что ничего не поняла. После некоторого раздумья она спросила: «Что бы ни значили эти Семь Звезд, они сильны?»

- Бэй Доу - после того как Цао Чжункунь захватил трон, было много людей, которые были недовольны, и у него не было свободного времени, чтобы взять их под контроль одного за другим. Тогда он решил просто избавиться от тех людей, которые посмели открыть рот.

Чжоу Фэй никогда раньше не слышала такого простого и грубого объяснения и не могла удержаться, чтобы не распахнуть глаза: «А?»

- Конечно, он не мог убить их сам, - продолжал Се Юнь, - но у него было семь мастеров, которые работали под его началом. После того, как они последовали за ним, им было присвоено звание Бэй Доу, и они продолжили служить, убивая людей для Цао Чжункуня. Чтобы сказать, насколько они сильны... Вот послушай. Твоя мать однажды возглавила группу очень опытных людей и напала на Бэйдун, чтобы убить Цао Чжункуня, и даже три тысячи имперских гвардейцев не смогли остановить их. В то время у фальшивого императора были только Лу Цунь и Вэнь Цюй [10] из Бэй Доу, но даже вдвоем они были в состоянии защитить Цао Чжункуня и сбежать. Если бы там собрались все Семь Звезд, то в тот раз в Бэйдун, вероятно, не было нужды в человеке, кто «рискует своей жизнью, чтобы спасти кого-то». Что теперь ты думаешь об их силе?

Для Чжоу Фэй это объяснение было чрезвычайно убедительным.

Потому что в ее глазах Ли Цзиньжун была подобна горе. Каждый раз, когда они с Ли Цзиньжуном ссорились, она шла и очень усердно работала над своей техникой. В году было 365 дней; исходя из этого, она должна была потратить около 364 дней, действительно усердно работая над своими боевыми приемами. Каждый день, когда она засыпала, ей снилась глава, готовая выпороть ее. Однако она умело выхватывала хлыст из рук Ли Цзиньжуна и бросала его к ее ногам. Сверкнув улыбкой, она чванливо удалялась... Конечно, всё это было лишь сном.

Иногда у Чжоу Фэй возникало впечатление, что она никогда не сможет превзойти свою мать. Каждый раз, когда ей казалось, что она немного нагнала ее, она обнаруживала, что ее мать холодно смотрит на нее с еще большего расстояния.

Се Юнь глубоко вздохнул, подводя итог: «Теперь ты всё поняла правильно? Глядя на такого героя, как Лян Шао, лежащего в какой-то чаще и плачущего так сильно, что не может встать, становится так же грустно, как при виде красивой молодой барышни, как ты, которая с течением временем стареет, а ее кожа сморщивается. Раз уж я столкнулся с ним, то не мог просто пройти мимо».

Чжоу Фэй: «...»

Никто не осмеливался говорить с Ли Цзиньжун о таких глупостях вроде «ваша дочь такая красивая и очаровательная». По мнению Чжоу Фэй, старейшины в лучшем случае вежливо молвили «У вашей дочери манера поведения, достойная главы». О тех, кто принадлежал к ее поколению, можно сказать еще меньше - даже через месяц они почти не разговаривали. В результате никто никогда не говорил ей, что она красива, и на мгновение она растерялась.

В это время Се Юнь уже спокойно вырезал почти законченную бамбуковую флейту, лениво болтая с ней. Он легонько сдул опилки и озорно улыбнулся Чжоу Фэй, сказав: «Поспеши и беги подальше, если тебя схватит твоя мать, она ударит тебя по ладоням».

Чжоу Фэй торопливо спросила: «Что ты собираешься делать?»

Се Юнь подмигнул ей и поднес бамбуковую флейту к губам. Он сыграл несколько высоких и низких нот, и яркий звук флейты мгновенно прорезал тишину леса, заставив птиц, которые уже проснулись, взлететь в воздух. Зелень бескрайнего моря бамбука отражалась в глазах молодого человека, сидевшего на дереве. По мере того как люди, ожидавшие в засаде, подбегали все ближе и ближе, звуки его флейты постепенно превращались в мелодию.

Это была песня «Разорвать строй».

---

[1] 魑魍 (kūnpéng) - рыба гунь и птица пэн; чудовищные рыба и птица (ср. левиафан и гриф; обр. в знач.: гигант, колосс, чудовище)

Пэн - гигантская птица в древнекитайской мифологии. Впервые упоминается в книге философа Чжуан-цзы (IV век до н. э.), где описано её происхождение от исполинской рыбы Гунь путём метаморфозы. Крылья Пэна подобны дождевым тучам, величина его спины — несколько тысяч ли (более тысячи километров). После превращения Пэн улетает в небесный пруд страны Наньминь («южный мрак»), при этом ветер, поднимающийся от взмаха его крыльев, вздыбливает волны на три тысячи ли (около 1,5 тысяч км). Без отдыха он способен преодолеть 90 тысяч ли (за раз облететь кругом земной шар). Отдыхает же один раз в шесть лун. В сравнительной мифологии Пэн сравнивается с другими гигантскими птицами — Рух и Гарудой, а рыба Гунь — с левиафаном.

[2] 应龙 (cānglóng) - миф. Цан-Лун (зеленый дракон) дух-покровитель востока

[3] 砚台(yàntái) - чернильный камень, он же каменная ступка для измельчения и удержания чернил

[4] 古琴(gǔqín) гуцинь - щипковый инструмент, в древности пятиструнный, впоследствии семиструнный

[5] 梁上君子(liángshàng jūnzǐ) значение этого выражения «господин на крыше» или «господин с чердака» и подразумевает грабителя. В моем понимании, здесь используется буквальное значение, поскольку Чжоу Фэй и Ли Шэн оба находятся на крышах, но не как воры. Однако подтекст фразы довольно забавен

[6] здесь Се Юнь использует конструкцию 小弟(xiǎoshēng) - младший учащийся; уничижит. Ваш ученик; Ваш слуга

[7] 妹妹(meí meí) я почти уверена, что Се Юнь шутит здесь, поскольку 妹 - это второй символ, который составляет слово 倒霉(dǎoméi) или «несчастный». Кстати, это слово также является омографом 妹妹(meí meí), которое переводится «младшая сестра»

[8] если вы не знакомы с системой именования Древнего Китая, то я объясню это здесь: 姓 Син: фамилия, 名 Мін: имя при рождении, 字 Цзы: второе имя (в отличие от 名 первого имени; присваивается по достижении совершеннолетия), 号 Хао: титул, почетное звание, прозвище, второе имя

[9] 北斗七星(běidǒu qīxīng) - Бэй Доу Семь Звезд - семь мастеров Цао Чжункуня, которые служат и убивают людей для него; также имеет астрономическое значение - Большая Медведица

天狼 Tān Láng - Тан Лан - «Жадный волк» (древнее название звезды Дубхе)

武曲 Wú Qū - У Цюй - «Военный напев» (древнее название звезды Мицар)

[10] 禄存 Lù Cún - Лу Цунь - «Сохранение жалованья» (древнее название звезды Фекда)

文曲 Wén Qǔ - Вэнь Цюй - созвездие, считается обителью судеб учёных, созвездие-обитель покровителя просвещения